

18+

Константин Васенко

Смотритель

Роман

Константин Васенко

Смотритель. Роман

«Издательские решения»

Васенко К.

Смотритель. Роман / К. Васенко — «Издательские решения»,

Он уехал на остров — ветер, камни, старый маяк. Думал: природа, тишина, никаких лиц. Море поможет забыть. Но острову есть что скрывать. И жизнь умеет ждать. Книга — о заживлении. О тех, кто вернулся. О тех, кого ждут.

© Васенко К.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Снова дома	6
Глава вторая. Не моё	10
Глава третья. Прибытие	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Смотритель Роман

Константин Васенко

«Секунда решает всё.

Секунда до — и секунда после.

Но иногда нужно просто сидеть и ждать».

Иллюстрации Stable Diffusion 2.1 (perchance.org) Stablediffusionweb.com

Редактор DeepSeek

Корректор DeepSeek

© Константин Васенко, 2026

ISBN 978-5-0070-5724-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Снова дома

Гул вертолѐта за три года командировок вьелся в череп Глеба. Такова работа фотожурналиста.

По нынешним временам любой прохожий с телефоном — летописец, смартфоны бойцов и гражданских выдают яркие оперативные кадры.

Но удел Глеба — не новость, а её крик: лица до — и лица после.

Ракурс, от которого пробирает.

Он снимал войну крупным планом.

Лица людей — за секунду до того, как их мир закончится, и лица других — за мгновение до того, как они отнимают чужой мир.

Последний кадр сломал его. Глеб тогда опустил камеру. Впервые за три года рука затряслась так, что картинка запрыгала в видеоискателе.

Он вернулся из командировки в пустую питерскую квартиру, «где есть свет, газ, телефон, горячая вода, радиоточка, пол — паркет»¹.

В прихожей пахло кофе — месяц назад он неплотно закрыл банку. Запах, тёплый и доверительный, теперь казался издевательством. Глеб скинул ботинки, поставил их у порога, как всегда.

Зашѐл в маленькую комнату с чёрными шторами — в фотостудию, где пахло старым деревом. Вытащил из флешки всё, что снимал в последний рейс, скинул на жѐсткий диск, подписал «Архив».

Засунул камеру в сейф, повернул ключ — механизм щѐлкнул сухо и окончательно.

Глеб встал, упираясь лбом в холодную дверцу, повторяя про себя: «Я свидетель. Я просто смотрю».

Ноги подкосились. Он сел на пол и не мог подняться. Не пугал даже холод паркета на бетоне.

Он смотрел в стену и перебирал лица — мирные, военные, детские.

У всех — матери, мечты, страхи.

Как можно было смотреть в глаза тому, кто дышит так же, как ты, — и нажимать на спуск?

Он знал — как. Но отказывался понимать — почему.

Два часа Глеб сидел и смотрел в одну точку — туда, где обои разошлись по шву тонкой тѐмной ниткой. Потом встал, подошѐл к зеркалу — и не узнал себя. Серая кожа. Мешки под глазами. Взгляд чужого, уставшего человека.

«Не могу больше. Ни дышать. Ни смотреть. В глаза людям, которые теряют всё. И в глаза тем, кто делает это. Все они — люди. И всё это — своими руками».

Он вспомнил разрушенные дома, разбитые автомобили, тела на дорогах, могилы во дворах пятиэтажек. Глаза гражданских — пустые, как выбитые окна, лица солдат — слишком молодые для той тяжести, что выпала на их долю.

Глеб заварил чай, сел за стол.

В кармане коротко завибрировал телефон: два толчка, пауза, два толчка. Глеб не сразу понял, что это. Последние дни он вообще перестал различать звуки. И тишина питерской квартиры казалась неестественной.

Он взял трубку. На экране — редакционный номер. Сбросить? Пальцы замерли. Решил ответить.

— Аллю.

— Глеб, привет. Ты как? — голос шефа отдела спецпроектов. Бодрый, деловой.

¹ (В. Цой. Группа «Кино». Песня «Бошетунмай».)

— Нормально.

— Слушай, тут задачка подоспела. Горячая. Теракт вчера на рынке, в серой зоне. Нам нужно репортажное фото — крупно, лица, эмоции. Понимаешь, о чём я?

Глеб закрыл глаза. Увидел дом без фасада. Дым. Трупы.

— Я сейчас не могу.

— Что значит «не могу»? — голос стал жёстче. — Кого мне послать? Студента с зеркалкой?

— Посылай кого хочешь. У меня... — он запнулся. Слова не шли. Как объяснить человеку, что камера стала весить как гранитная плита? Что каждый щелчок затвора отдаётся в позвоночнике? — Руки трясутся. Не могу.

Молчание в трубке. Шеф, видимо, переваривал.

— Глеб, соберись. Ты всегда был...

— Был, — перебил Глеб. — Был. А сейчас — не могу.

— Отказ от задания — это серьёзно. Ты контракт подписывал.

— Знаю.

— Ладно, — Шеф помедлил. В его голосе появилась усталость — не та, что у Глеба, другая, редакционная. Усталость от того, что люди ломаются. — Бери отпуск за свой счёт. Неделю. Две. Месяц. Отойдёшь — позвонишь.

— Хорошо.

— Но ты вернёшься? — вопрос прозвучал не как приказ — как просьба.

Глеб смотрел на пустую стену. На обойный шов.

— Не знаю. — Он сильно зажмурился на секунду и резко открыл глаза. — Честно. Не знаю.

И нажал отбой. Положил телефон на стол экраном вниз.

Он всю ночь просидел на кухне — смотрел на ночной Питер. За окном город не спал. Город сиял огнями подсветки зданий, мостов и улиц.

За стеклом — проспект, мокрый, чёрный, с разводами от шин. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. Кто-то закурил, чихнул, ругнулся — звук поднялся по шахте лифта, искажённый, как радиопомехи.

Глеб не спал толком третьи сутки.

Веки налились свинцом. Он начал клевать носом. Глаза плотно закрылись — и включился проектор.

Взрыв был негромким. Так всегда казалось — сначала тишина, потом толчок в грудь, потом уже звук, который догоняет, как поезд, который ты пропустил на переезде. Глеб упал на колени — не от страха, от ударной волны. В ушах зазвенело. Камера упала перед ним и ударилась о камни. Он поднял её, не глядя, накинул ремень на шею — пальцы двигались сами — привычка. Сел, прислонился к обломку стены.

Когда он поднял голову, мир уже изменился.

Дом, в который прилетело, стоял без фасада — как манекен без одежды. Внутри были видны комнаты: обои в цветочек, кухонный шкафчик, открытый, с банкой гречки на полке. Игрушечный мишка на подоконнике — уцелел, чудом. Дым шёл не оттуда, откуда должен был. Не из разбитых окон, а из-под земли. Канализация? Водопровод? Глеб не знал. Он просто снимал.

Потом увидел её.

Девочка сидела на земле — не на асфальте, асфальт кончился за три метра до неё, — и держала за руку женщину. Женщина лежала на боку, глаза открыты широко, рот приоткрыт. Девочка её трясла. Не сильно, не панически — так, как будят утром в школу: «Мама, вставай, опоздаем».

Глеб инстинктивно начал снимать.

Девочка была босиком. Одна туфелька валялась в двух метрах, вторая — на ноге, но с расстёгнутой застежкой она болталась, как сломанное крыло. Платье в горошек. Белый воротничок. Кровь на платье была — но не её. Женщина лежала в растекающейся луже, но девочка этого не замечала. Или не хотела замечать.

— Мама, ну мам, — сквозь гул в ушах до Глеба стали доноситься слова девочки. — Ты чего? Ты испачкалась. Идём дома помоем.

Камера дрожала у Глеба в руках — он это видел по пляшущей картинке, но ничего не мог поделать.

Женщина не отвечала.

Девочка наклонилась ближе, заглянула ей в лицо. Потом перевела взгляд на Глеба.

Ей было лет семь. Русые волосы, два хвостика, один растрепался, резинка держалась на волоске. Она смотрела прямо в объектив. Не моргая.

— Дяденька, — донёсся до него тонкий голосок, словно из глубокого колодца, и оборвался, будто девочка набиралась смелости. — А вы поможете мою маму поднять? Она тяжёлая. Я одна не могу.

— Да, да, — Глеб попытался встать, но ни ноги, ни руки не слушались.

Он по-прежнему продолжал снимать — палец на спуске, автоматически, как дышать. Девочка смотрела в объектив, а он снимал её взгляд. И в этом взгляде не было страха. Не было боли. Было только недоумение. Настоящее, чистое, детское недоумение: почему мама не встаёт? Почему не отвечает?

— Дяденька? — повторила она.

Глеб опустил камеру — та повисла на ремне.

Откуда-то стали появляться люди. Много людей.

— Сейчас, — Глеб не узнал свой голос. Голос сел. — Сейчас помогу.

Он не знал, кому это сказал. Ей. Себе. Той женщине, которая уже не слышала. Подошёл санитар, заглянул в глаза:

— Ты как?

— Норм, — Глеб повторил попытку встать. — Там девочка...

Санитар кивнул, подошёл к девочке, взял на руки. Она не плакала. Только смотрела поверх его плеча — на Глеба, на камеру, на маму.

— А игрушка? — спросила она. — Там мишка на окне. Я его забыла.

Санитар сказал что-то успокаивающее, понёс её к машине.

Глеб поднялся с трудом.

Он смотрел на женщину. Не мог отвести взгляд.

Ей было лет тридцать. Может, тридцать пять. У неё были красивые руки — длинные пальцы, аккуратный маникюр, бесцветный лак, облупившийся на указательном. Это всё, что он мог о ней знать. Всё, что осталось.

Потом подошёл другой человек, накрыл её простынёй. Глеб отвернулся.

Он смотрел на дом без фасада. На мишку на подоконнике. На банку с гречкой, которая так и стояла открытая, и кто-то засыпал её — доверху, с горкой, аккуратно. Хозяйка. Женщина с красивыми руками. Которая уже не закроет ни одну банку.

Глеб поднял камеру. Сделал один кадр. Мишка. Подоконник. Гречка.

Потом опустил.

— Па-сторонись! — его оттеснили два солдата с носилками.

Глеб открыл глаза.

Стены питерской кухни. Люстра с одной перегоревшей лампочкой. Окно.

Он сидел за столом. Один. В пустой квартире.

Минуту приходил в себя. Закрыв лицо ладонями. Просто сидел, надавив пальцами на глаза, пока перед ними не поплыли оранжевые круги.

«Почему я её снимал? — пульсировало в висках. — Зачем? Кому это нужно?»

Глава вторая. Не моё

Чай в кружке давно остыл — заварка дала горечь, тёмную, густую.

Глеб открыл форточку — ворвался холод, смешанный с запахом прелых листьев и выхлопных газов.

Раньше он не замечал этого запаха — он был фоном, воздухом, которым дышат, не думая. Теперь каждый вдох ощущался по-новому.

На том берегу Невы горели окна — десятки, сотни. В каждом — жизнь. Телевизор, ужин, ссора, страсти, тишина. Каждый светящийся квадрат казался ему укором.

Всё это казалось ему диким контрастом — эта жизнь, огни, эти люди, которые завтра пойдут на работу, и та жизнь в руинах и окопах.

Он подумал о том, чтобы уехать из страны совсем. Далеко. В Новую Зеландию, в Исландию, на Северный полюс — подальше от новостей, где люди убивают друг друга, подальше от лозунгов.

Он даже открыл сайт с поиском направлений. Экран ноутбука светился в темноте, курсор мигал в строке поиска. Но пальцы зависли над клавиатурой, так и не коснувшись клавиш.

«Бежать? Или просто спрятаться на время?» — он не знал. Он забыл, кто он... без камеры.

Как-то вечером, за два дня до отъезда, пришёл Андрей. Друг детства. Не виделись года два. С ним они начинали в фотокружке, вместе мечтали, вместе занимались боксом, вместе пили дешёвое пиво на крыше хрущёвки и клялись, что станут великими репортёрами. Тогда, на крыше, пахло раскалённым битумом и свободой. Всё казалось простым и лёгким.

Сейчас Андрей стоял на пороге с пакетом, в котором что-то позвякивало. Его куртка была растёгнута, несмотря на октябрьский холод, а на лице застыло выражение человека, который уже всё решил и пришёл не советоваться, а утверждать.

— Глеб, я к тебе — разговор есть.

Они расположились на кухне. Глеб машинально нарезал колбасу, сыр, свежие огурцы — хрустящие, с пупырышками, — чёрный хлеб. Сало — с тонкой розовой прожилкой. Всё делал, как в старые добрые времена: руки двигались сами собой, отдельно от головы.

Андрей, не спрашивая, достал из пакета пластиковую банку с морковью по-корейски. Его фирменный жест, ещё с института: «Без острой морковки мужик не мужик». Поставил на стол.

— Ты где пропадал-то? — Глеб сел напротив друга.

Андрей молча разлил водку по стаканам — старым, гранёным.

Выпили по первой. Горькая, тёплая, с хлебным послевкусием. Выдохнули. Почувствовали приятное разливающееся тепло в груди.

— Помнишь Сомали, Галькайо, перестрелка на площади? — спросил Глеб.

Андрей замер. Не потому, что забыл. А потому, что не хотел вспоминать.

— Стояли тогда с камерами в двух метрах от кордона, — Глеб усмехнулся жёстко. — Оглянулся — а тебя уже нет. Меня просто сшибло с ног. Толпа. Я упал, а по мне уже люди бежали. А ты меня — за шкурку, как котёнка. И плечом прикрыл, когда палить по толпе начали. До сих пор шрам остался. И помню ярко — будто вчера было.

Глеб потрогал собственное плечо.

— Ты мне тогда жизнь спас, — с благодарностью сказал он. — Я этого не забыл.

— Да ерунда. Я другое вспоминаю. Йемен. Сану, дом на окраине. — Андрей разлил по второй. — Мы с тобой тогда здорово поспорили. Про наёмников. До хрипоты. Я — за, ты — против. Чуть не подрались. Ты сказал: работа не бывает просто работой, когда за неё платят кровью. А я сказал: не нам судить. Ты хлопнул дверью и ушёл. В ночь. Я остался. А через два часа прилетело. Дом рухнул.

Глеб молчал. Смотрел в стакан.

— Но ты вернулся, — Андрей криво улыбнулся. — Хотя я тебя послал. И говорить-то было уже не о чем. Вернулся — и нашёл меня... под завалом...

— Было дело, — сказал Глеб.

Андрей помолчал.

— Я к тому, — сказал он, — что мы тогда были молодыми идиотами. Думали, что правда дороже безопасности. А она в том — кто с тобой рядом. Я обязан тебе, друг.

— Да, брось... — Глеб качнул головой.

Помолчал. Отодвинул тарелку, глянул в окно. Прищурился:

— А помнишь нашего препода по истории?

— Ха, — Андрей поднялся, поправил воображаемые очки, вытянул указательный палец и заговорил нарочито старческим голосом:

— «Делай так, а не иначе. Ибо, сделав иначе — сделаешь не так».

И они рассмеялись — легко, впервые за вечер.

— А он был прав, — Глеб помолчал. — Я так и сделал.

— Что? — Андрей опустил на стул, снимая несуществующие очки.

— Вернулся, — сказал Глеб.

Андрей чуть заметно качнул головой.

— Профессор бы тобой гордился.

— А хрен его знает, — Глеб хмыкнул. — Но звучит красиво.

И подумал: «А ведь если бы тогда... И никто бы не сидел на этой кухне. И не резал колбасу».

Они сидели и смотрели друг на друга.

— Глеб, я улетаю послезавтра, — Андрей повертел стакан в руках, посмотрел на свет сквозь мутное стекло. — Стамбул, потом Берлин. Поехали со мной.

Глеб уставился на друга. За окном шуршали шины проезжающих редких машин — мокрый асфальт, поздняя осень.

— Я думал об этом, — наконец ответил Глеб. Глаза красные, сухие, веки тяжёлые. — Я бывал там, Андрей. Язык знаю. Гамбург люблю... Улочки, кирхи, набережная, порт, речные паромы. Но... не могу.

— Почему? — Андрей не повысил голос, но в нём появилась та стальная нотка, которую Глеб помнил ещё с ринга. Та же интонация, когда он говорил: «Не падай, вставай, уклон-удар». — Объясни мне. Там можно работать, дышать, лечиться. Там нет этих... — он покрутил указательным пальцем, — новостей. Там люди живут.

— Живут, — Глеб согласно качнул головой. — Как-то я сидел в берлинском баре, пил отличное пиво, смотрел на улыбающихся людей. И всё бы хорошо, но я чувствовал, что между нами — стена. Бетонная. С колючей проволокой.

Он встал и заходил по кухне — узкой, с облупившимся подоконником, на котором когда-то стояла их первая общая фотокамера «Зенит». Сейчас на подоконнике стояла пустая банка.

— Они будут улыбаться, звать на барбекю, но ты всегда для них будешь «этим русским». Ты никогда не станешь своим. Даже через двадцать лет. Даже с безупречным произношением. А знаешь почему? — Глеб остановился и взглянул на друга. — Потому что, когда случится настоящая беда, что-то по-настоящему страшное, — ты для них будешь напоминанием, раздражителем. Они всё помнят. И ничего не забыли.

Андрей помолчал. Взял нож, покрутил в пальцах — лезвие блеснуло под лампой, — положил обратно.

— И мы всё помним, — буркнул он. — Всё, что ты сказал, — правда. Но есть другое. Понимаешь, если остаться здесь, можно с ума сойти. Можно сгореть. Я не хочу привыкать к

смерти. Я не хочу, чтобы у меня дёргался глаз от хлопка двери. Я хочу... нормально жить. Пусть и среди этих «улыбающихся людей», которые меня никогда до конца не поймут.

Он налил себе, но не выпил, только сжал стакан.

— Знаешь сколько раз за последние два года мне становилось скучно, когда за день не убили хотя бы одного человека? Проверая сводки с утра, я ловил себя на мысли: «А сколько трупов? Сегодня мало — только трое. Хороший день». Ты понимаешь, какой это диагноз? А там, может быть, я разучусь это делать. Может быть, я снова научусь радоваться тому, что просто светит солнце. Что просто кто-то смеётся.

Глеб присел. Посмотрел на друга — тот выглядел старше своих лет. Глубокая морщина между бровями, седина на висках, которой не было ещё года три назад. И взгляд — слишком прямой, слишком честный, такой бывает у людей, которые через многое прошли.

— Ты прав, — согласился Глеб. — Про диагноз — прав. Я тоже ловлю себя. Недавно увидел, как во дворе ребёнок упал с велосипеда. Мать подбежала, кричит. А я первым делом подумал: «Какой ракурс? Откуда свет?» Стоял и ждал, когда она начнёт плакать по-настоящему. Понимаешь? Ждал. Вот это — клиника.

Андрей налил и Глебу.

— Тост! Давай — За...!

Они звякнули стаканами, выпили. Огурец хрустнул на зубах Глеба — громко, как выстрел.

— А ты уже присмотрел себе работу? — спросил Глеб, чтобы сменить тему.

— Да, конечно. Помнишь группу журналистов из Евросоюза? — Андрей положил кусочек колбасы на хлеб, сверху горчицы.

— Те, что из баров не вылазили?

— Ну да. Я там с Генрихом сошёлся. Он мне и предложил работу. У них там как раз в новый отдел отчаянных ребят набирают. Снимать гуманитарные проекты на краю света, понимаешь? Школы в Африке, больницы в Азии. Всё такое. Жизнь, а не смерть.

— Понятно, — Глеб поднялся нарезать ещё сала. Нож скользил по бело-розовой кромке, и это монотонное движение успокаивало его. — Куда-то уехать точно надо. Но я решил уехать не насовсем. На месяц. В глушь. Без людей. Палатку поставлю.

— А куда именно планируешь? — Андрей откинулся на спинку стула.

— Планирую, — Глеб ухмыльнулся. — Куда-нибудь уехать далеко. Только не знаю куда.

— В Норвегию? В Исландию? Там сейчас фотографы нужны. Северное сияние, фьорды, туристы — благодать.

— Не хочу туристов, — Глеб покачал головой. — Хочу тишины. Чтобы людей — ноль. Чтобы ничего не напоминало.

Андрей задумался. Пожевал кусочек сала. Потом щёлкнул пальцами — вспомнил что-то важное.

— А знаешь, может на острова в заливе. Там маяки. Не пальмы, конечно, но там точно ни души. Сурово, дико, для твоей перезагрузки — то, что надо. Тишина, ветер, вода. Народу почти никого. Ни тебе новостей, ни людей, ни стрельбы.

— И как туда попасть? — Глеб поднял бровь.

— У погранцов разрешение получишь и — вперёд. На катере. Где отходит — найдёшь. Месяц-другой. Никто не побеспокоит.

Глеб молчал. Смотрел в окно.

— Я подумаю, — кивнул Глеб. — Ладно, давай лучше выпьем.

Андрей молча разлил по третьей. Глеб поднял стакан, взглянул на друга — тот уже держал свой на весу.

— За парней, — сказал Глеб.

— За тех, кто не вернулся, — добавил Андрей. — За парней.

Выпили молча. Не чокаясь. Поставили стаканы на стол. Помолчали секунд восемь. Потом Андрей крикнул, потянулся к хлебу, поперхнулся и закашлялся.

— Ну ты только хорошо подумай, — проговорил он, отдышавшись и постучав себя кулаком в грудь. — В октябре? Там же шторма, ветра, холод...

— Не привыкать. А вообще идея хорошая. Поснимаю суровую природу, камни, волны, закаты. Никаких лиц. Никаких глаз. Только ветер и вода. Я должен отвыкнуть от людей, Андрей. От того, что они творят.

— Ты уверен? — Андрей внимательно разглядывал друга. Одновременно с сомнением, уважением, и чем-то похожим на зависть. — Думаешь у тебя получится?

— Думаю.

Андрей отодвинул тарелку, поднялся и обнял Глеба. Крепко, по-мужски, хлопнул ладонью по спине — так они делали всегда перед тем, как выйти на ринг.

— Я позвоню через месяц. Надумаешь — прилечу и лично вытащу. Понял?

— Понял, — голос Глеба дрогнул, но он проглотил эту дрожь.

Они выпили еще по одной. Глеб резал колбасу, Андрей смотрел в окно на мокрый, блестящий проспект.

— А ты чего так и не женился? — спросил Глеб, не глядя на него. — Вроде и баб вокруг тебя всегда хватало.

Андрей усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Много. А толку? Всё как по учебнику: сперва им нравится, что я рискованный, что паспорт весь в штампах. А потом начинается: «Ты где пропадал? Почему не позвонил? Что у тебя в голове?»

— Ну, нормальные вопросы. — хмыкнул Глеб.

— Нормальные, — согласился Андрей. — Только я не умею на них отвечать. Я умею молчать. А женщинам нужны слова. А я словами... так себе.

Глеб поднял голову.

— Ты и со мной часто молчишь. Я привык.

— Ты другое дело. Ты — брат. С тобой можно молчать. А с женщиной — нет. Она начинает думать, что ты её не любишь, что ты холодный, что ты... — он не договорил.

— Что ты что?

— Что ты сбежишь. А я и правда сбегал. Каждый раз. Как только чувствовал — хочет слишком многого. Не денег — души. А у меня души на двоих не хватает. Себе — едва-едва.

Он замолчал, взял стакан, повертел в пальцах.

— Есть одна... но я её даже никуда не звал. Потому что знаю: всё равно всё испорчу. Лучше не начинать.

Глеб хотел спросить — кто? Но Андрей встал, подошёл к окну, заложил руки за спину.

— Ладно. Не об этом разговор. Поедешь на острова — езжай. А я, может, в Берлине останусь. Там хотя бы никто мозг не будет выносить. И это самое хорошее.

Они просидели до рассвета. Говорили о старом: о том, как учились в полной темноте накручивать плёнку на катушки, как дымил их первый дедушкин увеличитель, как чёрно-белые отпечатки пахли уксусом. И как Андрей разбил свой первый объектив о бетонный пол в подъезде.

Под утро Андрею вызвали такси.

— Пока, брат, — Андрей сжал плечо Глеба.

— Пока. Доберёшься — сбрось сообщение.

— Обязательно.

Дверь закрылась. Шаги на лестнице затихли.

Глеб смотрел на закрытую дверь. Андрей всегда уходил так — стремительно, на бегу: «Всё, пока!»

Ещё в детстве, когда после фотокружка они неслись по мокрому асфальту, Андрей вырывался вперёд и кричал: «Догоняй, тормоз!» Глеб догонял, толкал его в спину — и они летели в траву, в лужу, захлёбываясь хохотом.

Потом, уже взрослыми, в командировке в Каире, Андрей простудился. Два дня пролежал в какой-то деревне у местной знахарки с температурой под сорок, бредил — по-русски, по-английски, по-французски: на всех языках, которые знал, и на нескольких, которых не знал. Глеб сидел рядом, менял мокрые полотенца на его лбу, смотрел, как знахарка лечит друга травами, и ждал, когда за ними приедут. Андрей открыл глаза, уставился на него мутным взглядом и прошептал: «Глеб, если я сейчас помру — похорони меня здесь. Здесь тепло. Земля мягкая. И памятник не ставь. Просто посади пальму. Я люблю пальмы».

Глеб тогда засмеялся. Андрей — следом, хрипло, но всё же. А дней через пять они уже снова были на задании.

Сейчас, оставшись один, Глеб не засмеялся. Он подошёл к окну — Андрей уже садился в такси. Хлопнула дверца. Машина растаяла в потоке огней.

«Не нужна тебе пальма, Андрей», — подумал Глеб.

Он постоял посреди кухни. Подошёл к столу. Налил водки. Выпил залпом. Покрутил стакан, взглянул в окно. Поджал губы. Горько, как в первый раз, только без хлеба, без огурца, без друга напротив. «Не моё», — сказал он вслух, будто пробуя слово на вкус. Закрутил пробку, убрал бутылку в холодильник.

Подошёл к шкафу, достал старый большой туристический рюкзак цвета хаки и начал собирать вещи. Потом открыл сейф и вынул камеру. Повертел в руках. Положил обратно. Достал снова. Вдохнул и сунул в рюкзак: «Только для природы».

Глава третья. Прибытие

Катер назывался «Микроб» — название было нанесено белой краской на борт криво, дрожащей рукой. И, вероятно, под хорошим настроением. Глеб стоял на палубе, втянув голову в плечи от пронизывающего ветра, который лез под воротник, под манжеты, в каждую щель. За девяносто минут хода от материка он успел промёрзнуть. Даже сквозь термобельё и мембранную куртку. Глеб держался за скользкий поручень, стоя у фальшборта. Под ногами дрожала палуба — вибрация поднималась от кормы, от мотора, который работал на пределе, с надрывом. Казалось, ещё минута — и он выплюнет поршни, но мотор держался. Упрямо. По-живому.

Капитан, старый моряк с суровым лицом — глубокие морщины, будто вырезаны ножом на старой доске, — молча курил в рубке, иногда поглядывая на навигатор. Табачный дым смешивался с запахом солянки и мокрой роботы. От выхлопа дизеля першило в горле. Глеб зажмурился — на секунду ему показалось, что он снова на броне, снова в движении, снова там. Открыл глаза — вокруг была вода. Только вода.

Волны били в борт с глухим упорством, и Глебу казалось, что катер вот-вот развалится прямо здесь, на середине залива. Но «Микроб» упрямо шёл вперёд — старый, залатанный, живучий.

— Вон они, встречают, — махнул рукой капитан куда-то вперёд, когда из серой пелены показался берег.

Глеб прищурился. На бетонном причале, куда катер швартовался с трудом из-за волн — борт тёрся о резину покрывающих, — стояли двое.

Мужчина лет пятидесяти восьми, коренастый, в старом рыбацком бушлате и ярко-оранжевых непромокаемых штанах. Всем своим видом он излучал добродушную основательность. Издали было видно, как он переминается с ноги на ногу, не от холода — от привычки двигаться.

Справа от него — девушка. Молодая, лет тридцати, в тёмно-синем пуховике и высоких берцах. Волосы собраны в тугий пучок, лицо серьёзное, даже хмурое — такое бывает у людей, которые привыкли решать всё сами и не ждать помощи.

«Вот, наверно, и „хозяйка“», — Глеб вспомнил, что когда оформлял пропуск в погранслужбе, его долго расспрашивали, предложили именно этот остров и сказали, что «хозяйка» разрешила, и потом подписали документы.

В руках «хозяйка» держала планшет — поглядывала на него с видом человека, который терпеть не может ждать. Увидев гостя издали, она засунула руку поглубже в карман.

Рядом с ними — квадроцикл с металлическим прицепом, гружённым пустыми канистрами и ящиками. Ветер трепал брезент, натянутый сверху и закреплённый верёвками.

Глеб спрыгнул на скользкие камни — подошва скользнула по мокрому бетону, нога поехала, и он едва не рухнул, растопырив руки.

Мужчина успел, перехватил его за локоть — сильная рука, привыкшая к канатам и лебёдкам.

— Осторожнее! Здесь скользко, каждый год кто-то купается. Я — Борис, смотритель маяка. — Рукопожатие крепкое, широкая ладонь, тёплая даже на ветру.

— Глеб, — представился он.

— Знаю, с берега предупредили. Турист на месяц, да? — Борис улыбнулся, и улыбка была такая искренняя, без подвоха. — Рюкзак брось пока вон на ту скамейку, чтоб не мешал. А это Юна. Она у нас тут главная.

Девушка даже не протянула руку. Только кивнула, коротко окинув Глеба оценивающим взглядом — от рюкзака до ботинок, от небритого подбородка до красных ушей. Взгляд этот был не злым, а скорее профессиональным: «живой — не живой, проблемный — не проблемный, надолго ли».

— Палатка где? — спросила она. — Спать-то где будешь?

Голос был ледяным — как вода в заливе в середине октября.

— Есть. В рюкзаке, — Глеб похлопал по лямке. — И спальник.

— Хорошо. Ставь подальше от метеостанции. Режим.

— У меня туристическая, я не...

Но Юна уже отвернулась к катеру.

— Борис, грузи топливо сначала. Потом продукты. У нас по плану до обеда проверить крепления на вышке.

— Слушаюсь, шеф, — без тени сарказма ответил Борис и подмигнул Глебу. — Она строгая, но справедливая. Привыкнешь.

Вдвоём они загрузили в прицеп шесть канистр с дизелем. Канистры глухо стукались друг о друга. Три коробки консервов — тяжёлые, жестяные, с этикетками. Мешок картошки — килограммов тридцать, не меньше. Несколько пакетов с крупой. Медикаменты в пластиковом ящике с красным крестом.

Юна сверяла по планшету каждую позицию, отмечая в списке стилусом — короткое, сухое движение. Ветер вырывал выбившиеся пряди волос из её пучка, но она не обращала внимания, только отмахивалась иногда, как от надоедливой мухи.

— Здесь не хватает одной канистры масла для генератора, — она взглянула на капитана. Голос стал жёстче.

— Привезу в следующий раз, — крикнул тот, перебросив через борт последнюю верёвку. — На складе не оказалось. Заказ пришёл не полностью.

— В субботу я уже должна была поменять масло. Я же просила. За две недели.

— Юна, ты просишь каждый раз. Но я не могу тебе это родить. Есть — везу. Нет — не везу. Логистика хромает, понимаешь.

Она поджала тонкие губы и несколько секунд смотрела на капитана с такой тихой яростью, что Глебу стало не по себе.

— Предупреди меня заранее, в следующий раз. Хотя бы за сутки. — Она развернулась на каблуках. — Всё. Отчаливай.

Капитан крикнул, посмотрел на «Микроб» — на старую, облезлую посудину, на которой пришёл.

— А ты всё на этой развалине, — Борис кивнул на катер. Хитро прищурился. — Когда уже новый БГК получишь?

— Да всё принять не могут, — капитан досадливо махнул рукой. — То навигационные не те, то контракт пересматривают. Начальство, вишь. Зиму, наверно, на этом старичке отхожу. Если дизель доживёт.

— Доживёт, — Борис хмыкнул. — Он живучий. Как мы с тобой.

— Как мы, — согласился капитан. — Ладно, бывай, Борис.

— Бывай.

Капитан развернулся к рубке.

— Отчаливай!

Катер медленно отошёл, оставляя за кормой пенистый след.

Глеб проводил его недолгим, почти равнодушным взглядом. В рубке капитан, не оборачиваясь, достал спутниковый телефон — Глеб не разглядел силуэт, но подумал, что точно не рация. И тут же забыл об этом, повернувшись к катеру спиной.

Остров показался ему крошечным и пугающе чужим. Серое небо, серый залив, чёрный гранит — цвета смешались в однородную массу, и только старый красный маяк с белыми полосами стоял, как последний страж, как напоминание о том, что здесь всё-таки есть жизнь. Полосы на нём были выцветшие, краска облупилась кое-где, но маяк держался.

Глядя на него, Глеб автоматически прикинул кадр: низкая точка, небо в две трети, маяк по правилу третей. Усмехнулся про себя. Даже сейчас, без камеры, глаз ловил композицию.

Он подошёл к скамейке, взял рюкзак.

— Садись в прицеп, — бросила Юна. — Только аккуратно, там канистры. Можешь вон тот мешок подложить, там чистая ветошь. Борис — ты за руль.

— Ага. Глеб, держись. — Борис сел за руль, уже заводя квадроцикл. Двигатель рявкнул, перекрывая ветер, из выхлопной трубы повалил сизый дым. — Здесь дорог нет, но мы за пять минут домчим.

Глеб вскарабкался в прицеп, устроился между ящиками. Железо завибрировало. Запах солянки, резины и мокрого металла. Под пальцами — холодная сталь борта. Юна села сзади на багажнике квадроцикла, держась одной рукой за дугу, второй прижимая планшет к груди. Сидела ровно, смотрела прямо. При повороте её мотнуло, но она даже не охнула.

Квадроцикл подскакивал на кочках, и каждый камень отдавался глухим толчком в позвоночник. Глеб цеплялся за ящики, весело матерясь про себя. Впервые за долгое время он так глубоко вдыхал морской воздух — и чувствовал, как тело работает по-настоящему: не просто переставляет ноги, а борется, напрягается, живёт.

На глаза попался мох. Серо-зелёный, почти чёрный, он покрывал камни толстым слоем, скрывая острые края. Кое-где из мха торчали чахлые кустики — может, вереск, может, что-то ещё. Они давно засохли, но держались, вцепившись корнями в гранит. Как и всё здесь.

Ветер нёс запах йода и гниющих водорослей. Чайки не кричали — они кружили молча, высматривая добычу. А где-то в расщелине между камней звенела вода — невидимый ручей.

Глеб подумал: интересно, этому острову просто приходится терпеть людей. Наверное, как и его «хозяйке». И перевёл взгляд на Юну.

Юна поправила выбившуюся из пучка прядь. Ветер трепал её пуховик, но она, казалось, вообще не ощущала холода.

Борис остановил квадроцикл у двух строений.

Первое — современное, из светлого композитного материала, с плоской крышей и большими окнами, выходящими на залив. Чистое, аккуратное. Рядом — антенна, ветрогенератор с вращающимися лопастями и несколько белых коробок с датчиками. На крыше — солнечные панели, на двери табличка: «Метеорологическая станция „Остров Норд“. Посторонним вход воспрещён».

— Это мой дворец, — Юна прыгнула с квадроцикла и кивнула на модуль с вызовом. — Жилой блок и рабочая зона. Там чисто, тепло. А тебе туда — сто метров против ветра.

Она открыла дверь, и Глеб мельком увидел внутри коридор, часть кухни — идеально вымытую раковину, кофеварку, полку с кружками, — шкаф с приборами и дальше — дверь, вероятно, в её личную комнату. Никаких безделушек, никаких фотографий. Функционально, аскетично, как операционная.

Второе строение — старое. Кирпичная сторожка у основания маяка. Дверь крашеная, синяя, облупленная — краска слезала полосами, словно старая кожа. Рядом — сарай, а под навесом поленица дров, сложенных аккуратно.

— А это моя резиденция, — Борис хлопнул по стене сторожки ладонью. — Печка, кабинет, две спальни, радио, тв. Рай для отшельника. Хочешь — ставь палатку вон там. Видишь, где бревно со столиком? Я там тебе место покажу, с подветренной стороны, чтобы не сдуло. — Он улыбнулся, и в уголках глаз собрались морщинки.

— Спасибо, Борис. — Глеб опустил рюкзак на землю. Услышал, как хрустнул гравий под тяжестью вещей, разгружаемых из прицепа.

Борис снял ящик и обратился к Глебу.

— Через час чайник поставлю — приходи. Юна чай не жалует, всё больше кофе, а я без чая не жилец. Ты точно на месяц?

— Посмотрим. — Глеб оглядел горизонт. Серый. Сплошной.

Юна уже тащила канистру к модулю от прицепа. Волочила её с явным усилием — жилы на шее вздулись, лицо покраснело от напряжения. Кряхтела, переставляла ноги в ботинках по скользким камням, но не сдавалась.

— Ты поможешь или будешь любоваться? — бросила она через плечо, не оборачиваясь.

Глеб подошёл, взялся за вторую ручку. Канистра оказалась тяжёлой — литров двадцать. Даже вдвоём было непросто.

— Ты сама всё таскаешь? — спросил он, пытаясь и переставляя ноги, стараясь попадать в такт.

— Борис обычно таскает. А сегодня — ты.

— Логично. — Он поставил канистру рядом с модулем, выпрямился, хрустнув спиной. — А ты сама откуда? Из каких краёв?

Юна резко взглянула ему прямо в глаза. Вблизи он заметил, что у неё не просто серые глаза — а с зеленоватым отливом, как вода в заливе в солнечный день. Глеб на секунду опешил.

— С того берега, — Голос был ровным, без истерики, но каждый чеканный слог — как удар молотка. — И не хочу про него слышать. Всё. Понял?

Она смотрела не мигая. Глеб выдержал взгляд.

— Понял, — он коротко качнул головой. — Извините, что спросил.

— Не извиняйся. — Она отвернулась и взялась за канистру. — Просто не беси меня.

Она затащила канистру в модуль — Глеб услышал, как она загремела по полу. Потом хлопнула дверь.

Он остался стоять на ветру. Порыв ударил в лицо, холодный, солёный, злой. Где-то вдалеке закричали чайки — тоскливо, как сирены.

«Ну и привет, — подумал он, глядя на закрытую дверь метеостанции. — Месяц будет ещё тот».

Глеб поднял воротник и пошёл помогать Борису с разгрузкой и переносом вещей в, крытый шифером, сарай справа от сторожки. Внутри пахло старой древесиной, мышами и соляной. Борис таскал ящики легко, приговаривая что-то себе под нос — похоже, какую-то песню.

— Борис, а что такое БГК? Вы с капитаном говорили.

Борис остановился, глянул на залив.

— Большой Гидрографический Катер, — сказал он неторопливо. — Для промеров глубин, для обслуживания маяков. Нам такой обещали уже три года как.

— А «Микроб»?

— А «Микроб» — старый работяга. — Борис хмыкнул. — Ему бы давно на покой, а он всё таскается. Как некоторые.

Глеб хотел спросить — «как кто?», но Борис уже подхватил коробку и понёс в сарай. «А, неважно,» — Глеб пожал плечами и взялся за мешок.

Разобравшись с последними ящиками, они остановились. Борис хитро подмигнул и указал Глебу на красивый вид за сторожкой, откуда открывался весь залив — до самого горизонта. Глеб перевёл дыхание. Борис молча смотрел на воду, потом взглянул на часы — старые, командирские.

— Пора, — сказал он негромко и двинулся к маяку.

Глеб оглянулся на залив. Чайки кружили над камнями.

— Что за расписание у тебя? — бросил он вдогонку.

— График прохода судов, — Борис не обернулся. — Кораблики по фарватеру ходят. Каждый день. Я их встречаю — иногда перекличку делаем.

Глеб не стал спрашивать дальше.

А позже подхватил рюкзак и отправился искать место для палатки. Камни хрустели под ногами, ветер свистел в ушах, и впервые за долгое время Глеб не слышал внутри себя гула вертолёт. Только свист ветра. Только холод. Только этот остров.

Глеб подошёл к бревну со стёсанным верхом — ловко придумано, отличная скамья и рядом столик из пня. Душевное место с видом на залив.

Мимо острова прошёл большой военный корабль. «Ничего себе кораблики, — промелькнула мысль. — Борис-то не простой пенсионер... А заслуженный».

Глеб усмехнулся своей шутке. На войне он привык, что у людей бывают разные обязанности, иногда странные.

Разбирая рюкзак и доставая палатку, Глеб наткнулся на кофр с камерой.

«Я же вроде её в сейфе оставил? — он повертел кофр в руках, — А, нет, я её точно забирал».

Глеб отложил пластиковую коробку на камень и начал ставить палатку.

Расчистил место, убрал камни и ветки, постелил под дно непромокаемую плёнку. Поставил палатку — серая, низкая, двушка. Забил колышки в каменистый грунт, натянул тент от дождя. Вход — с подветренной стороны.

Закончив, взял термос и сел на скамейку возле кофра с камерой. Долго смотрел на свинцовые волны и ветер. Чайки не кричали. Только ветер.

«Я мог бы утопить её прямо сейчас, — подумал Глеб о камере. — Взять, размахнуться — и в воду. Ко дну. К чёрту».

Он открыл кофр, достал камеру, взглянул на объектив — стекло чистое, только на кнопке дрожит капля воды. Дрожит рука? Да. Дрожит.

Он смахнул каплю и медленно огляделся: маяк, камни, залив... Паутина. Мокрая, натянутая между двумя стебельками, а в центре — крупная капля воды, в которой отражалось всё небо.

Щелчок затвора прозвучал как выстрел.

Глеб замер. Закрыв глаза. Думал, что вернётся тошнота, что он снова увидит лицо той девочки.

Ничего.

Где паника? Где лицо в видоискателе вместо паутины?

Ничего не произошло. Только где-то вдалеке волны шуршали галькой.

Глеб перевёл дыхание и сделал второй кадр. Третий. Пятый. Камера ещё послужит ему. Он бережно убрал её в кофр и полез в палатку. Долго ворочался. Поднялся. Выглянул из палатки.

Залив был чёрен — небо смешалось с водой, границы не видать. Только звёзды давали слабый свет.

В чёрной воде залива двигался силуэт. Низкий, тёмный, стремительный. Без огней, без опознавательных знаков. Не корабль — ни рубки, ни тени, только смутное пятно на сером фоне. Он скользил бесшумно, как тень, и через минуту растворился в темноте.

Глеб протёр глаза. Силуэт не вернулся.

«Померещилось», — подумал Глеб и полез обратно в палатку.

Сон срубил его только под утро.

Но долго спать не пришлось.

Глеб проснулся от того, что кто-то ходит по гравию. Выглянул — Борис нёс к бревну-скамейке старый алюминиевый чайник, три кружки и сухари.

— Вставай, — гремел он посудой. — Сейчас солнце выходить будет. Не просп.

Глеб натянул куртку поверх футболки и вышел. Было ещё темно, но на востоке небо уже начало розоветь, наливаясь светом.

Борис разлил чай — чёрный, крепкий, с дымком.

— Борис, а по ночам в заливе кто-нибудь ходит? — Глеб подошёл к скамье.

Борис не поднял головы. Поправил кружки.

— Бывает, — сказал он спокойно. — Военные. Ты видел?

— Не знаю. Может, показалось.

— Не показалось, — Борис выпрямился, глянул на залив. — Наши тренируются. Привыкнешь.

Глеб хотел спросить — как это, привыкнуть, — но на пороге модуля показалась Юна: непричёсанная, в растянутом свитере. Машинально вскинула голову к небу — определить облачность, нижнюю кромку, направление ветра.

Спустилась с крыльца — что-то заметила в кустах. Вернулась в модуль, вышла уже в резиновых перчатках и с пакетом. Подняла что-то из кустов. Воробья. Мёртвого. Откуда он здесь? Клюв приоткрыт, перья слиплись от вчерашнего дождя. Юна взяла птицу за лапу — двумя пальцами, сухо, словно пинцетом. Встряхнула и опустила в пластиковый пакет. Завязала. Подошла к мусорному баку, откинула крышку и с размаху швырнула внутрь. Туда же отправились перчатки.

Достала из кармана голубую вязаную шапку, натянула до бровей. Заскочила в модуль, вышла уже с вазочкой в руках — старой жестяной, с печеньем. И направилась к Глебу и Борису.

Ни следа отвращения. Ни жалости. Ни дрожи.

Она села на скамью, молча поставила вазочку, взяла кружку.

Глеб заметил, как Борис подвинулся, давая ей место — чуть ближе к пню.

— Ты его не закопала, — сказал Глеб. — Не присыпала камнями. Просто в мусорный бак?

Юна не обернулась.

— Птица мёртвая. Ей всё равно. А я не копаю могилы.

Он оценил её строгий профиль.

— Ты всегда так?

— Всегда. И это не только про птиц.

Глеб на миг представил: а если бы птица ещё дышала? — и сам же оборвал себя: да какая разница. Отвернулся к заливу.

Юна не смотрела на Глеба. Но когда он протянул руку за несколькими кусочками сухариков, их пальцы встретились. На секунду. Она не отдёрнула. Просто убрала руку.

— А вы чего не спите в такую рань? — спросил Глеб у Бориса.

— Я так-то всегда в пять встаю. — Борис отхлебнул чай. — Но когда синоптики обещают красивый восход, — он покосился на Юну с улыбкой, — мы специально выходим полюбоваться. Посидим, чай попьем без добавок, насыщенный — иван-чай.

Глеб глянул на Юну и осторожно взял одно печенье. Откусил — рассыпчатое, с маслянистым привкусом, тающее на языке. Второе. Третье — уже не откусывая, а просто отправляя в рот.

— Вкусное, — сказал он с набитым ртом. — Где берёте?

Борис хмыкнул:

— Это Юна сама печёт. Когда настроение есть.

Юна отмахнулась:

— Обычное курабье.

Отпила из кружки и отвернулась к заливу.

Глеб вздохнул. Тишина. Никто не звонит, никаких посторонних шумов, только природа. Идеально.

Солнце показалось из-за горизонта — водянистое, тёплое.

Оно вынырнуло в узкой полосе чистого неба между тяжёлым морем и низкими облаками — будто протиснулось туда, где его не ждали. И застыло.

Глеб зажмурился. Ему показалось, что он может так сидеть вечно. С чаем, с ветром, даже с этими двумя. И не надо никуда ехать.

— Красота, — выдохнул Глеб.

— Точно, — поддержал Борис.

— Просто выбора нет, — поморщилась Юна.

— Не просто. Когда нет выбора — это и есть жизнь. — Борис смотрел на залив. — И она неплохая, если присмотреться.

Три дня Глеб и Юна общались только по делу. Она отдавала короткие инструкции: вода в бочке, дрова за сторожкой, продукты в сарае, генератор не трогать. В туалет — к Борису, в душ — ко мне. Он кивал и делал.

Три дня Глеб не мог спать: просыпался в холодном поту, а утром делал вид, будто ничего не случилось.

Но постепенно он втянулся в местный распорядок. Дежурил по кухне. Ходил с Борисом в обход острова — иногда на надувной моторке — или помогал Юне с тяжёлой работой.

В один из дней, вернувшись в палатку, он поймал себя на мысли, что не думал о войне. Просто переставлял ящики, натягивал тросы, слушал, как Борис ругается на тархтящий дизель. Лёг и долго не мог уснуть — но уже от переживаний, что завтра этого молчания не будет.

Оно пришло. Не сразу. К обеду следующего дня.

С тех пор он сам начал искать себе работу.

И даже поучаствовал в замене топливного бака: раз в год вертолётom завозили трёхтонную пластиковую ёмкость с дизелем и забирали отработанную, пустую.

Как-то в кармане завибрировал телефон. Глеб достал — Андрей.

— Ты где? — голос друга звучал бодро, почти весело. — Дозвонился наконец. Я уж думал, ты в тайгу ушёл без связи. И не сообщил. Договаривались же.

— Я на острове. В заливе.

— Серьёзно? — Андрей присвистнул. — Я же пошутил про маяки.

— А я нет. Ты предложил — я подумал.

Андрей помолчал секунду. Потом сказал тише:

— И как там?

— Ветрено. Холодно. Камни. Мох. И две странные личности. Смотритель и метеоролог.

— Хорошие?

— Не знаю ещё, — Глеб усмехнулся. — Ну, здесь хотя бы не стреляют. А ты как?

— Я в Берлине. С Генрихом. Он все уши прожужжал про свои гуманитарные проекты. Фотографы ему по-прежнему нужны. Не на войну — в школы, в больницы. В Африку. Снимать жизнь, а не смерть.

— Ну и что ты решил?

— А почему нет? — Голос Андрея стал задумчивым. — Мы с тобой, Глеб, столько лет снимали, как люди умирают. Может, пора поснимать, как они живут?

Глеб не ответил.

— Ладно, — Андрей вздохнул. — Отдыхай. Заслужил. И, Глеб... не пропадай. Звони иногда. ЭСЭМэСь. А то я тут один среди этих улыбающихся немцев — родную речь забуду и совсем страх потеряю.

— Ты его и не находил, — фыркнул Глеб.

— Это точно, — Андрей засмеялся — по-настоящему, по-старому, как в детстве. — Береги себя, брат.

— И ты.

Глеб убрал телефон. Перевёл взгляд на вечерний залив.

Вечерами Глеб сидел у палатки, грел руки над горелкой и смотрел на волны.

Или ходил к Борису — пить чай и петь песни под гитару.

Ночью Глеб всё ещё просыпался от тишины. Ветер стихал, волны замирали, и тогда становилось слышно, как дышит остров: где-то скрипит ржавая железка, где-то шуршит галька, где-то стонет маяк. Глеб лежал в палатке, смотрел в брезентовый потолок и думал: «Здесь хотя бы понятно, что шумит. А там шумело всё сразу. И непонятно было — откуда смерть».

Пиликнул телефон. Глеб взглянул — Андрей: «Не замёрз?»

Глеб набрал: «Жив. Работаю над этим. Как сам?»

Ответ пришёл через минуту: «Норм. Фотки скидывай. Хочу посмотреть на твои камни».

Глеб улыбнулся уголками губ и убрал телефон.

По утрам, Борис выходил на лужайку перед сараем. Глеб сначала думал — курить. Но табачным дымом там и не пахло.

Борис делал зарядку. Странную. Медленные, текучие движения — как в восточных единоборствах, но без пафоса. Плавные переходы из стойки в стойку, дыхательные циклы, потом — взрывное движение, выпад, имитация удара. Потом снова замирал, стоя на одной ноге, закрыв глаза.

Глеб с двенадцати лет знал, что такое боксёрская стойка, как гудит голова и болит разбитая скула. Но он смотрел и не мог понять: что это за кино?

У него зачесались руки. Однажды он не выдержал.

— Борис, можно с тобой?

Борис открыл глаза. Хмыкнул.

— Присоединяйся.

Глеб размял шею и встал напротив.

Сначала Борис показывал. Глеб повторял — и чувствовал, как его тело, зажатое годами рабочей рутины, начинает отзываться. Не болью. Жизнью.

Потом они встали в спарринг. Не в полный контакт — так, обозначая. Борис двигался удивительно — и так, как боксёры, с подшагами, покачиваясь с ноги на ногу, и иногда по-другому — он перетекал, уклонялся не только корпусом, а всем телом. Глеб поймал себя на мысли, что не может его достать — Борис уходил от удара за секунду до того, как кулак достигал цели. Хотя боксёрскую технику Борису не мешало бы ещё подтянуть.

— А вот здесь ты пропустил, — улыбнулся Глеб.

— Ага, — Борис развёл ладони, — не успел.

— Ты не просто моряк, — Глеб вытер пот.

Борис пожал плечами.

— Всякое в жизни бывало.

— Покажи захваты.

Борис показал. Три простых движения, от которых Глеб, даже зная бокс, оказался на лопатках быстрее, чем успел моргнуть. А потом — освобождения. Глеб запоминал каждое движение.

— Зачем тебе это? — спросил Борис после тренировки, когда они сидели на камнях и пили воду из общей фляги.

— Да, понимаешь — привык к камере — единственное оружие. Может, пора учиться другому, — Глеб взглянул на свои руки. — Или не пора.

— Пора, — Борис хлопнул его по плечу. — Завтра в шесть. Не опаздывай.

Борис стал отдушиной. Мягкие разговоры не о чём. Приятный тембр голоса. Под который сладко засыпать. Вкусный чай разных сортов.

— Ну что, Глеб, — говорил он, наливая Глебу иван-чай. — Не скучно?

— Нет. Просто растворяюсь в окружающем. Намного лучше, чем там.

— Стрелял?

— Нет. Я же фотограф. Но это почти одно и то же. Когда ты в эпицентре — прилетает по всем.

Борис кивнул, наливая чай себе в железную кружку.

— А за что воевали? — спросил он негромко.

— По телевизору же всё объяснили.

— А на самом деле?

Глеб задумался.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Я просто снимал.

— А за бугор почему не уехал? — Борис не настаивал, просто спросил.

— Не хочу, — мотнул головой Глеб.

— Почему нет, если есть возможность.

— Не моё это.

— Родину любишь?

Глеб окинул внимательным взглядом Бориса. Сощурился и задал вопрос:

— А что такое родина?

Борис наклонил голову.

— Ты просто так спрашиваешь или ответа ждёшь?

— Ну, допустим, хочу знать твоё мнение.

— А мне везде хорошо, — Борис отхлебнул из кружки и добавил, — Где с родной душой поговорить можно.

— И где это?

— Да в основном здесь, на родине, — Борис улыбнулся одними глазами.

— Круг замкнулся, — Глеб склонил голову набок.

Борис поднялся, взял чайник, понёс подогреть.

— Я вот на флоте служил. Не воевал — слава богу. Но видел, как людей ломает одиночеством. Ты, Глеб, из другой оперы. Тебя, я вижу, сломало другим, чужим горем. Это тяжелее. Чужое горе нельзя перевязать.

— А Юна была врачом? — осторожно перевёл тему Глеб.

Борис быстро взглянул на него, помолчал, словно решал, можно ли говорить.

— Было дело. Теперь здесь. Меня терпит, потому что я не лезу.

— Я заметил — она что-то постоянно в кармане прячет, не знаешь что?

— Это личное — захочет, сама расскажет, — Борис отхлебнул из горячей кружки и зажмурился.

— А меня почему разрешила пустить?

— Ну ты же не нравоучения приехал ей читать, не лечить её, — смотритель маяка подмигнул Глебу. — Просто будь рядом. Может, это то, что ей нужно.

Вошла Юна. Окинула всех взглядом.

— Чаи гоняете? Хорошо, — и повернулась к Борису, — К нам ещё пассажир прибывает. Нина Петровна, вдова Николая. Так что, Борис, приготовь ей комнату.

— Понятно. Так я бывшую Колину комнату и отдам, — кивнул Борис. — Там с тех пор никто и не жил. Постель свежую застелю. А с какой целью прибывает, если не секрет?

— Руководство пригласило вещи и бумаги Николая разобрать.

— А что за срочность?

— Ты же знаешь, что маяк собираются переоборудовать в автоматический?

— Ну это старая новость. — Борис поёжился. — Когда это ещё будет.

Юна посмотрела на него внимательно.

— Через месяц, максимум два, строители заезжать начнут, технику будут завозить — официальное сообщение пришло.

Борис поднялся и застыл.

Повисла напряженная пауза.

Глеб переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

— Так, что же это — мы не нужны будем? — голос Бориса стал твёрдым.

— Метеостанцию оставляют, — Юна пожала плечами.

Борис сел.

— Так должны же были сообщить заранее... — застыл он в растерянности.

Глеб почувствовал себя лишним и потихоньку выскользнул из сторожки.

На следующее утро Глеб пришёл к модулю засветло. Юна сидела на крыльце, глядя на залив. На коленях — миска с кашей, в руке — ложка. Рядом — кофе в термокружке. Волосы распущены — впервые, и это делало её моложе и беззащитнее.

— Можно посидеть? — спросил он.

— Если молча.

Он опустился на ступеньку рядом. Юна не обернулась. Но ложка замерла на полпути ко рту.

— Ты будешь смотреть, как я ем? — спросила она.

— Не буду, — сказал он.

Глеб уставился на залив. Молчал.

Они долго смотрели на воду.

Юна отодвинула тарелку и заговорила первой:

— У тебя там, на причале, лицо было такое... потерянное. Думала, сбежишь на первом же катере.

— Думаю, не сбегу.

— Почему?

— Потому что здесь ты на меня орёшь как-то по-особенному. Это странное чувство.

Юна усмехнулась. Не колко.

— Ору я на всех одинаково. Борис подтвердит.

— Вот. Значит, я не особенный. И это честно.

Она взяла тарелку, кружку с кофе и поднялась.

— Ладно, хватит лирики. Хорошо, что пришёл. Идём, поможешь мне калибровать датчик ветра. Но сначала в сарай за запчастями.

— Хорошо, только куртку возьму.

— Окей, догоняй.

Глеб зашёл в сарай. Юна доставала с верхней полки ящик — встала на цыпочки, пальцы скользили по жести. Глеб подошёл сзади, протянул руку помочь.

— Не надо, — сказала она резко.

Он не успел отдёрнуть руку. Ящик поехал, Юна дёрнулась назад, ударилась локтем о его грудь. Взвизгнула — скорее от неожиданности, чем от боли.

— Я же сказала, — она отступила на шаг. — Не лезь.

— Я просто...

— Ничего не просто. Иди дыши свежим воздухом.

Глеб вышел.

Через минуту Юна выглянула из сарая.

— Там ещё два ящика. На той полке. Если хочешь помочь — помоги. Только предупреди, когда заходишь сзади.

— Хорошо, — сказал он.

— И не дыши в затылок. Я этого не люблю.

Забрав всё необходимое, они отправились к ветряной вышке, где стоял датчик. Юна всё же не доверила Глебу ключи — дала планшет, показала, куда смотреть и что говорить. Сама полезла наверх.

Глеб держал планшет, она крутила гайки и что-то бормотала себе под нос. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что смотрел не на приборы, а на неё. На её руки — уверенные, точные. Каждое движение говорило о том, что этот человек досконально знает порученное ему дело.

— Юна, — крикнул он ей, — ты как-то сказала, что я тебя бешу. Я помню.

— Бесишь до сих пор, — крикнула она в ответ.

— Это честно с твоей стороны, — продолжил Глеб. — Но я хочу остаться. Ты не обязана меня принимать, разговаривать по душам. Я просто буду здесь. На острове. Помогать Борису чинить крышу, таскать канистры, смотреть на залив. Мне нужно немного времени. Просто пожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.